

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ В XVI—XVII веках *

А. П. Новосельцев

Великий Моурави

После подавления шахом Аббасом кахетинского восстания Теймураз отправился сначала в Имерети, а оттуда — в турецкие владения и стал просить у султана помощи. Султан предоставил в его распоряжение крепость Гониа в Аджарии и некоторые владения вокруг Ахалцихе. Обоснование кахетинского царя в Юго-Западной Грузии беспокоило шахский двор. По указу Аббаса наместник Еревана Амир-гюне-хан каджар в 1622 г. выступил в поход на Ахалцихе. Теймураз же поехал в Стамбул, где был милостиво принят турецкими властями. Османь не собирались смириться с усилением Ирана. В 1621—1622 гг. полководец Аббаса Имам-кули-хан с помощью англичан изгнал португальцев с острова Ормуза, который находился под их властью более 100 лет. На Востоке шахские войска отвоевали у индийских моголов Кандагар, а в 1623 г., воспользовавшись смутой среди турецких беев, отняли у турок и Ирак с Багдадом. Аббас вернул большую часть того, что было потеряно его предшественниками. Его дальнейшие планы были внезапно нарушены грозными событиями в Грузии. В Картли в 1619 г. умер царь Баграт. На его место шах утвердил Симона II, малолетнего сына умершего, а векилем и аталыком (правителем и опекуном) при нем назначил Георгия Саакадзе¹. Будучи в Иране, Саакадзе принял там ислам, получил значительные земельные владения и именовался Моурав-беком. Во время шахских походов в Грузию в предыдущие годы он оказывал Аббасу немалые услуги и пользовался его доверием, участвовал в ряде войн на стороне шаха и показал себя талантливым полководцем. Теперь шах намеревался использовать его для покорения и разорения родины Саакадзе — Грузии.

Несмотря на жестокие репрессии, «спокойствие» на грузинской земле не воцарилось. В Картли, где, по мнению приближенных шаха, господствовали проиранские настроения², некоторые представители высшей знати, казалось бы, были тесно связаны с Ираном³. Другое дело — Кахети. Здешний наместник шаха Пейкар-хан усердно заселял Кахети кочевниками-кызылбашами, но пастухи не могли вернуть стране хотя бы часть былого благосостояния. Между тем во время разорения Кахети Аббасом не только выселялись люди, разрушались города и церкви, но и вырубались тутовые деревья — источник богатства страны, шелководства⁴. Поэтому Пейкар-хан разрешил уцелевшим кахетинцам возвращаться в родные места. Вернулись и кахетинские азнауры (потомственные и служилые дворяне), тесно связанные с Теймуразом и не оставлявшие надежды увидеть на троне изгнанного царя. И вот в 1624 г. Пейкар-хан и некоторые проирански настроенные азнауры донесли, что среди кахетинских дворян зреет заговор в пользу Теймураза, а главное, что охвачены волнением райагы (податное сословие)

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1969, № 9.

¹ «Картлис Цховреба». Т. II. Тбилиси. 1959, стр. 404—405 (на груз. яз.); Искандер Мунши. Тарих-е алам ара-йе Аббаси. Тегеран. 1957, стр. 947 (на перс. яз.).

² Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 1024.

³ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 406.

⁴ Th. Herbert. Travels in Persia. 1627—1629. L. 1928, p. 125.

Кахети⁵. Далее шахские доносчики писали, что и Теймураз шлет подстрекательские письма в Кахети.

Узнав об этом, Аббас послал в Грузию новую армию. Во главе карательной экспедиции был поставлен Карчиха-хан, а «товарищем» (рафиком) ему был придан Георгий Саакадзе, старшего сына которого Аббас приказал оставить в Исфагане в качестве заложника. Иранская армия состояла из 35 тыс. воинов⁶. В ее состав входили преимущественно ополчения северо-западных провинций Ирана, а также некоторое число туфенгчи (мушкетеров). Шах намеревался расправиться в первую очередь с Кахети, а затем и с Картли.

Георгий Саакадзе давно тяготился навязанной ему шахом ролью палача родной страны. Оказывая поддержку Аббасу, Моурави надеялся с его помощью разгромить враждебную ему группировку картлийских князей, более десяти лет назад изгнавших его из родных мест. Возможно, что некоторые действия Саакадзе все-таки заставили шаха полностью не доверять Моурави. Во всяком случае, когда кызылбашские войска находились в Грузии, от шаха к Карчиха-хану был отправлен тайный гонец с секретным приказом после подавления непокорных умертвить Саакадзе, а голову его доставить шаху. Случилось, однако, что Саакадзе, бывший в то время на охоте, перехватил шахского гонца:

«Мы охотились в Лочино, выпуская соколов,
Тут я всадника приметил и забыл на время лов.
Но гонец быстрее помчался и уж скрыться был готов.
Я настиг его — он проклял жизнь свою и отчий кров.
Я у вестника посланье из-за пазухи извлек.
Шах писал: «С мечом пройдите Картли вдоль и поперек,
Вражьих воинов свяжите, одолев в короткий срок,
Обезглавьте Моурава, чтобы нам вредить не мог»⁷.

Саакадзе стал деятельно готовиться к восстанию. Тем временем по приказу Карчиха-хана восточногрузинские князья и азнауры должны были собрать свои дружины. Даже разоренная Кахети выставила около 10 тыс. воинов. Когда прибыли кахетинцы, иранский полководец вдруг объявил, что, поскольку готовится война с Баши-Ачыг (Имерети), кахетинские воины, будучи единоверцами и соотечественниками западных грузин, от участия в планируемой войне освобождаются и должны разоружиться. Кахетинцы поверили, но «после изъятия у них оружия шахские войска,— по словам Искандера Мунши,— окружили грузин, как это случается на охоте, и мгновенно уничтожили их». Части кахетинцев, однако, удалось прорваться, и они присоединились затем к восставшим картлийцам.

Между тем Саакадзе склонил к выступлению против иранских захватчиков даже тех картлийских князей, которые считались верными шаху. Более того, Саакадзе удалось разделить шахское войско, направив часть его в другие районы Грузии, где создавалось опасное для карателей положение. Обложив иранский лагерь грузинскими отрядами, Моурави дал сигнал к выступлению. Это было 25 марта 1625 года. Он сам убил копьём Карчиха-хана, а принявший вскоре начальство над кызылбашскими войсками сын последнего Имам-верди-бек был убит сыном Моурави Автандилом⁸.

Внезапность нападения и яростная атака грузин, мстивших за многолетние страдания и унижения, а также смерть военачальников привели иранское войско в замешательство, а затем и в бегство. На Марткобском поле poleg цвет направленного в Грузию кызылбашского войска. Спаслось только 3 тыс. кызылбашей⁹. При известии о гибели Карчиха-хана иранский ставленник Симон с отрядом туфенгчи бежал в Тбилисскую крепость и заперся там. Саакадзе понимал, что для того, чтобы не дать кызылбашам вновь соединить свои силы, разбросанные по разным областям Закавказья, необходимо быстро и решительно покончить с основными шахскими отрядами. Разгромив Карчиха-хана, грузинские войска обрушились на поселившихся в Кахети кочевников-кызылба-

⁵ Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 1021.

⁶ На и м а. Равзат ул-Хюсейн фи хуласай ахбари. Т. I. Стамбул. 1734, стр. 415 (на турец. яз.).

⁷ Иосиф Т бил е л и. Великий Моурави. М. 1945, стр. 40.

⁸ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 407.

⁹ На и м а. Указ. соч., стр. 415.

шей. На этот раз уже иранскому летописцу пришлось скорбеть о разоренных аймаках и плененных женах¹⁰. Затем Саакадзе двинулся на Тбилиси и при ликовании и полной поддержке населения вступил в древнюю столицу Грузии. Симон и отряд иранских мушкетеров укрепились в Тбилисской цитадели. Поэт XVII в. Иосиф Тбилели в связи с победами Моурави вкладывает в его уста такие слова:

«За день я четыре дела совершить успел пока:
Уничтожил Карчи-хана и разбил его войска,
Взял Тбилиси, крепость Мцхета. Хоть борьба была тяжка,
Стали орды кызылбашей жертвой пули и клинка!»¹¹.

Не теряя времени, Саакадзе продолжал наступать. Грузинские отряды направились в Карабах, где свили себе прочное гнездо кызылбаши-каджары. Каджарские кочевья были разгромлены, а иранских воинов грузинские повстанцы гнали вплоть до Аракса (до Худаферинского моста на нынешней ирано-советской границе)¹².

Только после этого Моурави и его победоносное войско вернулись в Грузию. Но Саакадзе сознавал, что борьба далеко не окончена. Ранее с Карчи-ханом шла на Грузию меньшая и не лучшая часть иранской армии. Кроме того, шах мог легко собрать в своих обширных владениях многочисленную конницу разноплеменных кочевников, для которых война была привычным делом. Поэтому неотложной задачей для восставших грузин явился поиск союзников. Прежде всего ими могли стать западногрузинские владетели. Но их отношения между собой оставляли желать лучшего. Кроме того, они числились в султанских вассалах. Следовательно, каких-то контактов с османами — главными врагами Ирана — пока что избежать было невозможно. И Саакадзе сразу же после упомянутых побед стал налаживать связи с турецкими наместниками в Западной Армении и Курдистане. Головы убитых кызылбашей вместе с письмом и ценными дарами были отправлены к паше в Диарбекир, и тот признал Саакадзе правителем Картли. Что касается Кахети, то туда прибыл из османских владений Теймураз, и, конечно, гурки в данных условиях приветствовали его возвращение, зная его непримиримость к шаху.

Между тем Аббас, получив сведения о гибели в Закавказье своих войск, приказал казнить сына Саакадзе, находившегося заложником при шахском дворе. Затем был отдан приказ о снаряжении новой армии, во главе которой был поставлен Иса-хан. В поход против восставших грузин послали основные силы Ирана. Под началом Иса-хана были и гвардейские корпуса курчиев и гулямов и вооруженный огнестрельным оружием корпус туфенчиев. Армию снабдили артиллерией. Кроме уцелевшей части кызылбашских ополчений Азербайджана, Ширвана и Ереванского наместничества, в Грузию направили ополчения из Северного и Центрального Ирана¹³. Сам шах прибыл в Южный Азербайджан, чтобы руководить оттуда карательными операциями. Не действовал и Саакадзе. Вместе с Теймуразом он собрал около 20 тыс. воинов. На помощь к ним пришел и властитель земель Юго-Западной Грузии Манучар. Сражение произошло в Картли, на Марабдинском поле (долина реки Алгети) 30 июня 1625 года. Между разгромом Карчи-хана и решающей битвой с новым иранским войском прошло всего три месяца: обе стороны торопились побыстрее развязать возникший сложный политический узел, но возможности у Саакадзе и его сторонников были более ограниченными. Саакадзе и Теймураз могли рассчитывать только на воодушевление и храбрость грузинского народа, против которого стояла огромная, многоопытная, прошедшая длительную школу войны с турками, узбеками и даже европейцами (португальцами) армия. Грузия была разорена и обескровлена в предыдущих войнах, да и далеко не вся страна выставила воинов на Марабдинском поле. Аббас же обладал крупными людскими и материальными ресурсами. Вся огромная империя Сефевидов (а она в то время почти в два раза превосходила современный Иран по территории и лишь немногим уступала ему по населению) находилась в его власти.

Сражение оказалось упорным. Долгое время исход его был неясен. Но численное превосходство и лучшее вооружение решили судьбу битвы в пользу Иса-хана. Грузины

¹⁰ Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 1025.

¹¹ Иосиф Тбилели. Указ. соч., стр. 40.

¹² Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 1026.

¹³ Там же, стр. 1027.

отступили к Тбилиси и, уходя, сожгли за собой деревянный мост через Куру. По грузинским известиям, в сражении пало 14 тыс. кызылбашей и 9 тыс. грузин¹⁴. Согласно иранским данным, потери Иса-хана не превышали тысячи человек¹⁵; в основном это были пехотинцы.

Иса-хан, одержав трудную победу, принялся осуществлять указания шаха, чтобы «замирить» Грузию. Он выделил отряды, направив их в разные концы страны для искоренения «смуты». Но народ не сложил оружия. Грузинские повстанцы устраивали засады в лесах и горных местностях, истребляя отдельные карательные отряды. Вся страна была охвачена пламенем партизанской войны. Во время одного из походов кызылбашей внутрь Картли был убит правитель Южного Азербайджана Шах-бенде-хан из племени туркеман. Другой кызылбашский военачальник, правитель Ширвана Казак-хан, попал в плен к грузинам, и лишь некоторое время спустя ему удалось бежать. Опорным пунктом борющихся грузин стали Ахалцихе и Имерети. Упорное сопротивление грузинского народа и развернувшаяся партизанская война заставили Иса-хана изменить тактику. Укрепив Тбилисскую цитадель и оставив Симону сильный гарнизон, иранское войско покинуло Картли. Саакадзе и Теймураз прибыли из Западной Грузии и принялись очищать страну от еще оставшихся там кызылбашских отрядов.

Вот тогда-то и проявились разногласия, возникшие еще раньше между Моурави и Теймуразом. Саакадзе после разгрома Карчиха-хана пытался утвердить на картлийском престоле своего ставленника, а это вызвало недовольство значительной части картлийской знати, которая по-прежнему была настроена против Моурави. Тогда Саакадзе согласился на то, чтобы Теймураз стал царем не только Кахети, но и Картли, рассчитывая, что это послужит первым шагом к объединению раздробленной Грузии. Однако дальнейшее развитие событий показало, что такие надежды себя не оправдали. Причины этого таились как в особенностях внутреннего состояния Грузии, так и во внешнеполитической ситуации. В известной мере сыграли роль и личные взаимоотношения обоих выдающихся политических деятелей Грузии той поры — Саакадзе и Теймураза. Столетиями разоряемая врагами Грузия, раздробленная между несколькими владетелями, территории которых делились, в свою очередь, на еще более мелкие княжества, не могла выстоять в борьбе за национальное существование, опираясь только на свои силы, и наиболее дальновидные деятели того времени это прекрасно сознавали. Поэтому и Саакадзе и Теймураз вынуждены были лавировать между Ираном и Турцией.

Личные отношения между Теймуразом и Саакадзе также не наладились, несмотря на то, что в решительные минуты они действовали сообща, забывая о взаимных разногласиях. Багратиды Теймураза, воспитанного при иранском дворе, с крупной кахетинской знатью связывали тесные узы. Картли была ему «чужой», хотя в своем конфликте с Моурави он, конечно, оказался картлийским тавадам ближе. Саакадзе, не принадлежащий по рождению к высшей знати, в своей политике был скорее выразителем интересов азнаурства и менее родовитой части картлийских князей. Противоречия между различными группами грузинской знати привели сначала к внутреннему конфликту, а затем к трагедии, выгодной лишь врагам Грузии. В этом конфликте немалую роль сыграл Арагвский владетель Зураб. Честолюбивый и заносчивый, он не желал долго терпеть верховенства Саакадзе, и враги Моурави легко склонили его на свою сторону: Зураб предал своего бывшего друга и покровителя. Первая жена Зураба осталась в Исфагане, и, когда противники Саакадзе предложили Арагвскому владетелю жениться на дочери Теймураза Дареджан, соблазн породниться с царской фамилией оказался выше, нежели старые клятвы в верности. С женьбой Зураба на царской дочери противники Саакадзе получили нового союзника. Когда же Иса-хан покинул Грузию, враги Моурави решили, что нужда в нем отпала, и стали сопротивляться всем его начинаниям. Конфликт был неизбежен. Обе стороны готовились к войне. Саакадзе, окончательно порвавший с Ираном, усилил сношения с турецкими пашами. В частности, ему удалось заручиться поддержкой наместника Самцхе-Саатабаго Сафар-паши, который сменил владетеля Манучара (этот акт означал отторжение от Грузии ее древних юго-западных земель, подвергшихся исламизации). На стороне Саакадзе был и имеретинский царь Георг

¹⁴ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 408.

¹⁵ Искандер Муишин. Указ. соч., стр. 1028.

гий. Оба они обещали помощь Моурави и, когда между Саакадзе и Теймуразом в 1626 г. началась война, прислали воинские отряды¹⁶. Теймураз же, чувствуя поддержку кахетинских и большей части картлийских князей, решился на то, чего раньше тщательно избегал. Начальником иранского гарнизона в Тбилиси был Давуд-хан, сын иранского полководца Алла-верды-хана. Давуд-хан сумел воздействовать на Теймураза, обещая ему от имени шаха «прощение вины». И когда конфликт Теймураза с Саакадзе достиг апогея, Теймураз через посредство Давуд-хана обратился к Аббасу с просьбой о прощении¹⁷. Столкновение между войсками Саакадзе и Теймураза произошло на берегу Базалетского озера (к северу от Тбилиси и южнее Душети). Саакадзе был разбит и бежал сначала в Имерети, а затем в Турцию, где был принят султаном Мурадом IV. Услуги Моурави в борьбе с Ираном были очень кстати турецкому правительству, которое не могло примириться с потерей Багдада и других захваченных Аббасом земель. В Турции Саакадзе получил чины и пожалования и был назначен одним из начальников османского войска, готовившегося к войне с Ираном. Однако великого визира Османской империи Хюсрев-пашу, видимо, беспокоило возрастающее влияние Саакадзе при султанском дворе. Он установил за Моурави слежку, изыскивая благоприятный повод для его уничтожения. Вскоре повод нашлся. Вот что сообщает об этом Искандер Мунши: «Упомянутый Моурав, собрав некоторое количество военного снаряжения, оружия, мушкетов и прочего, погрузил все это на верблюдов и послал в Алтункалэ в Грузию. В окрестностях Эрзурума турки, проведав об этом, схватили его по пути и отправили к сардару (Хюсрев-паше.— А. Н.). Сардар же, заподозрив его в попытке бежать и предпочитая лучше уничтожить его, нежели иметь своим товарищем по оружию, вместе с его взрослым сыном, сопровождавшим отца, и несколькими злоумышленниками-грузинами казнил»¹⁸. Саакадзе и его сын Автандил были казнены в городе Алеппо¹⁹. Гибель Саакадзе, который надеялся с помощью турок отомстить поправшим его землю кызылбашам, оказалась тяжелым ударом для сторонников независимой Грузии.

Новая ирано-турецкая война затянулась до 1639 года. Положение кызылбашей в Закавказье было весьма неустойчивым. Правда, в Грузии чаша весов, казалось, склонилась после смерти Саакадзе на их сторону. Теймураз через посредство Давуд-хана вошел в сношения с иранским двором. Давуд-хан был назначен наместником Карабаха — соседней с Грузией провинции Ирана. Этим назначением была недовольна местная кызылбашская знать, привыкшая видеть правителем Карабаха наследственных глав племени каджар. Дружба, завязавшаяся между Теймуразом, которому не очень-то доверяли при иранском дворе, и Давуд-ханом, навлекла подозрения и на последнего. Правда, поддержка со стороны шахского наместника Карабаха помогла Теймуразу упрочить свое положение в Грузии. Беспредельно честолюбивый Зураб Арагвский в 1631 г. убил царя Симона II и стал оттеснять Теймураза от картлийских дел. Но последнему удалось уничтожить Зураба и временно объединить Картли и Кахети. Этого-то не могли стерпеть в Иране. Теймураз и Давуд-хан были обвинены в заговоре. Карабахский наместник, опасаясь действий враждебных ему каджарских эмиров, бежал в Кахети, а затем под натиском шахской армии Теймураз и Давуд-хан покинули Восточную Грузию. Правителем Кахети был назначен Селим-хан шамсадинлу, приведший туда новых кочевников²⁰, а Картли шах Сефи I (1629—1642 гг.) отдал царевичу Багратиду Хосро-мирзе. Этот потомок побочной линии грузинского царского дома долгие годы жил в Иране, где некогда обратил на себя внимание шаха Аббаса и Георгия Саакадзе. Хосро-мирза был умным человеком, понимавшим, что без опоры внутри самой Грузии кызылбашам там не удержаться. Теперь, после изгнания Теймураза, этот царевич стал картлийским царем под именем Ростом (1632—1658 гг.). Любопытно, что шахским войском, которое утверждало Ростом в Картли, командовал некий Ростом Саакадзе, по

¹⁶ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 411.

¹⁷ Искандер Мунши. Указ. соч., стр. 1061—1062.

¹⁸ «Зейл-е тарих-е алам ара-йе Аббаси». Тегеран. 1938, стр. 35 (на перс. яз.).

¹⁹ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 412; «Osmanlı tarihi». С. 3. К. 2. Ankara. 1954, S. 109.

²⁰ «Хуласат ас-сийар». Рукопись. Ленинградской государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дорн 303, лл. 526—666.

словам грузинской летописи, воспитанник шаха и человек влиятельный среди кызылбашей²¹. Неясно, в каких родственных отношениях был Ростом с Георгием Саакадзе, но самый факт отправки в Картли царевича Багратида с представителем рода казенного Моурави свидетельствует о том, что в Иране поняли невозможность утвердиться в Грузии без помощи хотя бы какой-то части самих грузин.

Между тем османские армии двинулись на Закавказье. В 1632 г. турецкие войска опустошили Восточную Армению. Шахский наместник этой области Тахмасп-кули-хан находился в походе на Грузию, но турки натолкнулись на упорное сопротивление армянского и азербайджанского населения. Крестьяне отдельных селений вооружались, нападали на турецкие отряды и уничтожали их. Особенно сильное сопротивление захватчикам оказали жители селения Егвард в Армении. Узнав об этих событиях, Тахмасп-кули-хан, пополнив свои отряды повстанцами, поднявшимися против турок, разбил султанские войска, а затем, в свою очередь, совершил рейд в глубь Западной Армении, вплоть до Карса²².

Летом 1635 г. султан Мурад возглавил громадную армию (по данным источников, вероятно, преувеличенным, в 400 тыс. человек), направляющуюся в Закавказье. Турецкие войска окружили Ереван, но только в результате предательства им удалось захватить эту крепость. Далее Мурад воевал в Южном Азербайджане. На его сторону перешли правители Баязета и Маку, после чего турки на короткое время овладели Тебризом. Однако на этом их успехи закончились. Сефи I поставил под знамена все силы Ирана и изгнал турок из Азербайджана; Ереван был взят после упорной осады. Турецко-иранская война окончилась в 1639 году. В Константинополе был заключен мирный договор, который на этот раз обеспечил достаточно продолжительный мир.

Новое ярмо

По ирано-турецкому договору азербайджанские земли с частью Дагестана, Восточная Армения и Восточная Грузия остались за Ираном; Западная Армения и Западная Грузия попали в зону османских владений. В административном отношении иранская часть Закавказья входила, как правило, в состав трех больших административно-политических единиц — беглярбекств: Ширванского, Карабахского и Чохур-Саад (Ереванского). Стоявшие во главе их беглярбеки назначались шахами из глав кызылбашских племен или из гулямов. Беглярбекства делились на более мелкие владения — хакимства, правители которых обычно выдвигались из знати кызылбашских племен. Наиболее важным было Дербентское хакимство, расположенное у пределов фактически независимого Дагестана и вблизи русских владений на Северном Кавказе.

Восточная Грузия (в урезанном виде) и в XVII в. по-прежнему делилась на два царства — Картли и Кахети. В Картли сохранилась царская власть Багратидов, хотя в Тбилиси и стоял шахский гарнизон и от имени шаха чеканилась монета. Что касается Кахети, то здесь первоначально Сефевиды хотели ликвидировать царскую власть, а страну заселить кызылбашами. Однако сопротивление грузинского народа не позволило осуществить эти замыслы. Зато шахская политика преуспела в другом: восточногрузинские цари вынуждены были, по крайней мере внешне, принимать ислам. Поэтому они носили два имени: одно — родное, грузинское, другое — мусульманское. Если царь Картли Ростом именовался Ростом-ханом, то его преемник Вахтанг V (1658—1675 гг.) в Иране был известен как Шах-наваз-хан (буквально: «хан, ласкающий [взор] шаха»). Извлекая уроки из восстаний и массового сопротивления народов Закавказья в первой трети XVII в., иранские шахи стали осуществлять здесь более гибкую политику. В основе ее лежало стремление опереться на определенную часть местных верхов и тем самым разъединить и ослабить изнутри борьбу народов Закавказья за независимость. Наилучшие контакты у иранского правительства были с азербайджанской знатью. Беки Ширвана, Карабаха и Чохур-Саада и по своему происхождению и по вероисповеданию в основном являлись мусульманами-шиитами (как сами шахи и знать Ирана), в подавляющем большинстве связанными с Сефевидами. Власть шахов в Азербайджане до конца XVII в. не вызвала сколько-нибудь заметного сопротивления. Что касается

²¹ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 416—417.

²² Захарий Саркаваг. Хроника. Т. I. Вагаршапат. 1870, стр. 85—87 (на арм. яз.).

Дагестана, то большинство его владельцев официально считались подданными шаха, а на деле были самостоятельны, некоторые же (шамхал) приняли русское подданство.

Иранским шахам удалось наладить отношения и с армянскими верхами: католиком, меликами Карабаха и крупным армянским купечеством. Наибольшей благосклонностью шахов пользовались купцы Новой Джульфы (предместье Исфагана). Шахи давали им торговые привилегии, ограждали от чрезмерных поборов со стороны административных лиц. Закавказское купечество в XVII в. пользовалось в целом большими правами. Богатые торговцы из Акулиса брали на откуп государственные и местные налоги, монетные дворы, ездили с караванами в турецкие владения и другие страны. Согласно шахским указам, армянская церковь могла обладать земельными владениями и собирать с верующего армянского населения церковные подати. Все это заставляло часть господствующих слоев Азербайджана и Армении мириться с шахским деспотизмом.

Однако если знать и богатые люди после окончания ирано-турецких войн имели в Закавказье неплохие условия существования, то народные массы не удостоивались шахских «благодений». В Сефевидском государстве за внешним фасадом централизации царил местный сепаратизм. Беглярбеки и хакимы должны были собирать немалые налоги в пользу шахской казны, но они не желали забывать и себя. Сбор податей производился в атмосфере крайней жестокости и насилий. В частности, житель Акулиса купец Захарий описал, как это происходило. По его словам, в 1673 г. в Акулис от ереванского правителя Сефи-кули-хана прибыли чиновники с требованием срочно собрать громадную по тому времени сумму в тысячу туманов. Инструкции хана были, вероятно, достаточно строгими, потому что его посланцы за одну ночь повесили 35 человек, но собрали всего 350 туманов... Шахи по возможности не давали хакимам долго задерживаться на занимаемой должности. Те, в свою очередь, рассматривали свой пост как источник дохода и прилагали усилия, чтобы за время пребывания в той или иной области выжать из ее населения все, что можно. Тот же Захарий повествует, как в 1674 г. шах снял с должности правителя Еревана Сефи-кули-хана и конфисковал его имущество. Награбленное ретивым ханом добро увезли на 400 верблюдах и оценили в 30 тыс. туманов. Вскоре Сефи-кули-хан сумел добиться возвращения в эту доходную провинцию и опять принялся выколачивать подати с населения. На этот раз он оказался предусмотрительнее и, когда его вновь сняли с должности беглярбека Чохур-Саада, сам поспешил увезти награбленное добро на 700—800 верблюдах²³.

Доведенные до отчаяния, крестьяне покидали родные села, бежали в города либо начинали заниматься разбоем. Против таких лиц посылались карательные отряды, которые ловили их, рубили головы, сдирали с виновных кожу, однако все было тщетно: «возмутители спокойствия» не только не переводились, но их число постоянно множилось. Один из путешественников того времени сообщал, что в Иране разбойников закапывали живьем в землю вдоль больших дорог на страх другим. Это мало помогало, как видно из того, что сам путешественник неоднократно подвергался нападением.

Отдельные, не утратившие наивной веры в шаха люди пытались донести до «высокого двора» правду о деятельности хакимов и беков. Чем это кончалось, видно из рассказа Захария. Жители одного села в Нахичеванском крае, доведенные до отчаяния насилиями некоего Зал-бека, послали ходоков к шаху, а тот приказал выдать их беку. Обездоленное население находило выход не только в разбое. В Центральном государственном архиве древних актов сохранился любопытный документ — послание шахских властей русскому правительству. В нем после изъятий дружбы и провозглашения добрых отношений между обоими монархами сообщается, что «некоторые из райатов (податное сословие, в состав которого входили, кроме крестьян, ремесленники и купцы.— А. Н.) благородного величества (то есть шаха.— А. Н.) бежали и укрылись в Тарках, Астрахани и Казани». Шах призывал царя содействовать возвращению беглецов²⁴.

В Сефевидском государстве не только существовало полное беззаконие и чудовищные методы расправы с непокорными. Здесь все еще процветала работорговля, центром которой стал город Дербент. Сюда свозились невольники со всех окрестных областей, в этом городе их скупали купцы, чтобы продать затем в других местностях Кы-

²³ Захарий Акулец. Дневник. Ереван. 1939, стр. 91, 100—101, 111—112.

²⁴ ЦГАДА. Фонд отношений с Персией, 1632 г., № 2, лл. 403—404.

зылбашского государства. Голландский путешественник Ян Стрейс, сам испытавший ужасы рабства, писал: «В городе Дербенте... главная торговля... состоит в купле и продаже невольников, которых доставляют сюда... для перепродажи через персов в другие места. Весьма жалкое зрелище являют собой несчастные рабы и рабыни, когда их раздевают, трогают и ощупывают, а обращаются с ними хуже, чем в нашей стране с быками и лошадьми. Здесь ничего не стоит убить раба или рабыню, как собаку. Жалуют только деньги, затраченные на них, иначе рабы жили бы недолго».

Жизнь человека, его семья и имущество были под постоянной угрозой. Обычай среди мусульманской знати иметь большие гаремы приводил к тому, что по требованию шахов или их наместников устраивались специальные экспедиции с целью изъятия наиболее красивых девушек. Тот же Стрейс дает описание подобного мероприятия в бытность его в Азербайджане: «Обошли и осмотрели всех девушек, вплоть до двухлетних детей в городе Шемахе и всех окрестных деревнях, чтобы отобрать некоторых из них в жены хану. Осмотр касался как христиан, так и нехристиан и был проведен по всему королевству. Королевские чиновники и слуги избрали из всех пятьсот наилучших красавиц, которые тогда же были посланы ко двору... После последнего осмотра избранных запирают в домики, которые носит на себе верблюд по одному с каждой стороны, и отвозят в Исфаган, где взрослых девушек отправляют в женские комнаты, а детей заботливо растят воспитательницы и няни. Отъезд в Исфаган сопровождался жалобными криками родителей всех национальностей: христиан, иудеев, мухаммедан, язычников, богатых и бедных»²⁵.

Несмотря на то, что Восточная Грузия считалась подвластной Ирану, на деле ее положение несколько отличалось от положения Азербайджана и Восточной Армении. Оба восточногрузинских царства — Кахети и Картли — сохранили свою внутреннюю структуру, свой политический строй и отечественное законодательство даже в то время, когда в Кахети управляли иранские ханы. Но грузинские цари утверждались шахами и сменялись ими в случае малейшего намека на неповиновение. Это стало возможным только потому, что иранские шахи начали больше привлекать на свою сторону грузинскую знать, подтверждая ее привилегии в самой Грузии, и предоставляли ей владения и должности в Иране. Речь идет не о тех выходах из Грузии, что были обращены в рабов и включены в состав гвардейского корпуса гулямов. В XVII в., особенно во второй его половине, в Иране служили многие представители грузинской знати, в том числе отпрыски царской фамилии Багратидов. Так, даругой (градоправителем) столицы Исфагана чаще всего являлись высокопоставленные грузины²⁶. Грузинские принцы воспитывались при шахском дворе и принимали там ислам, хотя этот переход в мусульманство не всегда был искренним. Мы знаем, что многие известные политические деятели Грузии становились последователями учения Мухаммеда только внешне, а затем, находясь на родине, использовали свои связи при шахском дворе для того, чтобы по возможности уберечь родную страну от новых нашествий и погромов.

Удавалось это, конечно, не всякий раз. Но в целом деятельность большинства царей Восточной Грузии, принявших ислам, не без успеха была направлена к этой цели. Так, картлийский царь Ростом, хотя он принял ислам и повиновался шаху, сумел гибкой политикой обеспечить длительный мир своей стране. При нем были частью ликвидированы губительные последствия предыдущего периода, отстроены старые города, сооружены новые. Ростом починил Тбилискую крепость, построил столичный каравансарай, мост через Куру. Снова оживилась сельская и городская жизнь. И Ростом и его преемник Вахтанг V делали попытки объединить под своей эгидой грузинские земли. В 1648 г. Ростом занял Кахети и управлял обоими восточногрузинскими царствами до 1656 года. В этом году начались события, предшествовавшие большому антииранскому восстанию в Кахети, о котором речь будет идти ниже, и Аббас II отделил Кахети от Картли. Еще более активную деятельность развил Вахтанг V. Используя междоусобную войну в Западной Грузии и опираясь на поддержку части западногрузинских тавадов, Вахтанг перешел Сурамский хребет, разбил имеретинское войско, подчинил себе Имерети, Мегрелию и посадил в Имерети царем своего сына Арчила. Однако этот акт мог

²⁵ Ян Стрейс. Три путешествия. М. 1935, стр. 236, 263—264.

²⁶ Мухаммед Тахир Вахид Казвини. Аббас-наме. Арак. 1951, стр. 219, 221 (на перс. яз.).

вызвать международные осложнения, так как Западная Грузия по договору 1639 г. входила в сферу влияния Турции. Под давлением Стамбула Вахтанг вынужден был в 1663 г. оставить Западную Грузию, а Арчил получил кахетинский престол. Эту попытку Вахтанга закрепить в Западной Грузии следует связывать с развитием не только ирано-турецких, но и русско-грузинских отношений: в 1651 г. Александр Имеретинский присягнул на верность русскому царю. Именно поэтому турецкое правительство вначале довольно сдержанно относилось к попытке вмешательства вассала Ирана в «турецкие дела».

Что же происходило в турецких владениях? Хотя Турция в тот период и не нанесла Закавказью таких одновременных и страшных ударов, как это делал шах Аббас, все же османская политика в Грузии и Армении оказалась не менее пагубной и разорительной для коренного населения этих стран. Западные земли исторической Армении, попавшие под власть османских султанов, стали сферой методичного и последовательного оттеснения армянского народа из всех областей экономической, общественной и культурной жизни. Фактически та же судьба постигла и юго-западные грузинские земли. Древняя земля Самцхе-Саатабаго была превращена в турецкий Ахалцихский пашалык, где безраздельно хозяйничали султанские правители. Остальная часть Грузии сохранила под верховной властью султана самостоятельность во внутренних делах. Западная Грузия состояла из одного царства и трех больших владений, независимых от него. Политика Стамбула была направлена не только на увековечение этой раздробленности, но и на поддержание по возможности неприязненных или открыто враждебных отношений между грузинскими правителями. В результате этой старой политики «разделяй и властвуй» западногрузинские князья обрелись на почти непрерывные ссоры и усобицы, от которых прежде всего страдало местное население. Издавна Западная Грузия наряду с землями адыгов служила основным источником поставки рабов-мамлюков в мусульманские страны, и, пожалуй, мало когда работорговля на берегах Понта достигала таких масштабов, как в XVII—XVIII веках. Вот что писал об этом французский путешественник Ж. Шарден: «Мингрелия в настоящее время мало населена, насчитывая не более двадцати тысяч жителей. Еще тридцать лет тому назад население ее доходило до восьмидесяти тысяч. Такое уменьшение произошло от войн с соседями и оттого, что дворяне продали в последние годы множество людей обоего пола. С давних пор из Мингрелии ежегодно вывозилось, путем продажи и мены, по двенадцать тысяч человек. Все это поступает в руки магометан, персов и турок, так как от них идет спрос. Три тысячи человек вывозится ежегодно прямо в Константинополь; их обменивают на ткани, оружие и другие предметы»²⁷. Особенно чудовищные формы работорговли приняла потому, что в ней активно участвовали местные феодалы. Для некоторых из них торговля своими и чужими подданными стала чуть ли не главным занятием. Тот же Шарден рассказывает об одном дворянине, пригласившем к себе двенадцать священников. «Священники, ничего не подозревая, согласились. Им в голову не могло прийти, что их собираются продать туркам, так как ничего подобного в Мингрелии не было видано. Дворянин их любезно принял, заставил отслужить обедню и зарезал в жертву быка, которым их затем угостил. Напив их хорошенько, он приказал своим людям схватить их, заковать, обрить усы и бороду, а в следующую ночь свез их на турецкое судно и променял на разную домашнюю утварь, но так как вырученных денег не хватало на выкуп возлюбленной (тот дворянин собирался жениться, хотя и имел уже жену, и ему нужны были деньги для выкупа невесты.— А. Н.) и свадебные расходы, то этот лютый зверь взял свою жену и продал ее на то же судно»²⁸. Турецкие власти вменили в обязанность своим данникам — западногрузинским владетелям — поставлять им ежегодно некоторое число мальчиков и девочек. В результате Западная Грузия с ее щедрой природой и богатейшими возможностями для развития хозяйства представляла в XVII—XVIII вв. страну, где грузинские феодалы вылавливали свой же народ и продавали его на чужбину.

Вот в каком положении находилось тогда Закавказье. Но и в этих условиях закавказские народы не прекратили освободительной борьбы. Центры ее находились

²⁷ «Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг.». Тифлис. 1902, стр. 35.

²⁸ Там же, стр. 36.

там, где сохранились остатки независимости и где захватчики не сумели полностью их ликвидировать. Упорную борьбу с иранскими захватчиками продолжал вести царь Теймураз. Однако его попытки отвоевать Кахети не увенчались успехом. Этому противодействовал союз, сложившийся между частью грузинской знати, которая возглавлялась картлийскими царями Ростомом и Вахтангом V, и шахом. Правда, шах не доверял полностью и этим последним: боясь чрезмерного усиления Ростомом, Аббас II в 1656 г. вновь отделил Кахети от Картли и передал Кахети правителю Карабаха.

Горцы — против Аббаса II

Изменение шахской политики было не случайным: Теймураз, изгнанный из Кахети кызылбашами и Ростомом, не был забыт в своем царстве, где население помнило о его упорной борьбе против двух шахов, о том, что он пожертвовал своей семьей и достоинством. Вынужденный бежать в Западную Грузию, Теймураз сначала возлагал надежды на ирано-турецкие противоречия. Однако на этот раз Стамбул и Исфаган не пошли на военный конфликт, и изгнанный кахетинский царь должен был искать другого союзника. Им могла стать только Россия.

Русско-иранские отношения до середины XVII в. были дружественными. Между Ираном и Русским государством существовали оживленные торговые связи, в развитии которых были заинтересованы обе стороны. С установлением же прочного ирано-турецкого мира положение изменилось. Мир на ирано-турецкой границе и заинтересованность русского правительства в невмешательстве Турции в украинские дела значительно охладили дружбу между царем и шахом. Но, пожалуй, главной причиной наметившегося изменения в ирано-русских политических отношениях стал «кавказский вопрос». Все большее число кавказских политических деятелей обращало свой взор на север, видя именно в Москве возможного заступника от постоянных претензий на закавказские земли со стороны южных соседей — Ирана и Турции. Не только князя Кабарды, издавна связанные с русским правительством, но и владетели Дагестана все чаще обращались к русским властям за помощью. А после того, как русское правительство в 1650 г. стало ходатайствовать перед шахом о возвращении Теймуразу Кахети и Теймураз в 1652 г. послал в Москву своего внука Ираклия, правительство шаха Аббаса II пошло на обострение отношений с Россией. На Северном Кавказе, на берегу реки Сунжи, недалеко от впадения ее в Терек, там, где проходил древний путь из северокавказских областей в Закавказье, был построен русский укрепленный городок. В былые времена постройка русскими укреплений в этом районе не вызвала противодействия иранской стороны, поскольку в условиях ирано-турецких войн упрочение русского влияния на Северном Кавказе было выгодно и Ирану. Теперь же возведение русской крепости вызвало в иранской столице иную реакцию: по указу шаха к правителю Ширвана собрались войска из северо-западных областей Сефевидского государства; к ним присоединились отряды шамхала, усмия и других дагестанских владетелей; все это воинство направилось к русскому городку и разрушило его в 1655 году²⁹. На этом конфликт и закончился: иранские войска и их вассалы ушли обратно, а русское правительство не стало обострять отношений с шахом.

Трудно сказать, с какими чувствами присоединились к шахскому войску дагестанские владетели. Но в последующие годы положение в этой горной стране вызвало все большую тревогу в иранской столице. Можно не сомневаться, что перемены, произведенные шахом в Кахетии в 1656 г., были очередным звеном в общем курсе новой шахской политики в Северном Закавказье и Дагестане в 50-е годы XVII века. Дальнейшее развитие событий было ускорено, с одной стороны, поездкой царя Теймураза в Москву, а с другой — смертью царя Ростомом (в 1658 году). Изгнанный кахетинский царь в 1656 г. писал царю Алексею Михайловичу: «Бью челом престолу твоего царского величества оказать мне милость и прислать войско и завладеть моею страной, чтобы она была подчинена твоему царскому величеству»³⁰. Затем Теймураз выехал на Терек, а оттуда по Волге в Москву, где стал добиваться русской помощи. В Мо-

²⁹ Мухаммед Тахир Вахид Казвини. Указ. соч., стр. 159—160.

³⁰ М. Броссе. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями. СПб. 1861, стр. 72.

скве Теймураза приняли хорошо, но внешнеполитическая обстановка тех лет (шла война с Польшей и со Швецией) делала невозможным оказание активной помощи со стороны России закавказским народам.

В Иране были осведомлены о целях поездки Теймураза, и реакция шахского правительства не заставила себя долго ждать. На сей раз речь шла о расчленении Кахетинского царства. По указу Аббаса II две трети Кахети были переданы карабахскому правителю Муртаза-кули-хану, а одна треть — Али-кули-хану кенгерлу, правителю Нахичевана. Кроме того, в Кахети направлялись на поселение 15 тыс. шатров кочевников из кызылбашских племен джеваншир, байат и других³¹. Это было своеобразной попыткой предупредить восстание в Кахети, по мнению шаха, неотложной, ибо только что произошло большое антииранское восстание в Дагестане.

Сведения о волнениях в этой стране дошли до Исфагана в 1658 году. Шахский наместник Ширвана Хаджи-Манучехр-хан сообщил, что правитель Кайтака Аббас-кули-хан и другие дагестанцы замыслили восстание. Был отдан приказ шахскому военачальнику Алла-верды-хану, который с войском находился в Кахети и строил там крепость, чтобы тот выделил из состава подчиненных ему сил 15 тыс. воинов и отправил их в Ширван для карательной экспедиции в Дагестан. Карательному корпусу придавались артиллерия и шахский полк мушкетеров. К экспедиции против правителя Кайтака пыгались привлечь и крупнейшего дагестанского феодала шамхала, который в иранских источниках именуется «вали» (правитель) всего Дагестана. Однако на сей раз Сурхай-хан шамхал не повиновался указу шаха и присоединился к повстанцам. Для их усмирения было послано войско из Дербента.

Горный Дагестан в прошлом неоднократно подвергался нашествиям со стороны иноземных захватчиков. Однако, за исключением, пожалуй, Тимура, завоевателям не удавалось проникнуть в глубь гор и сломить сопротивление их обитателей. Причина была не только и не столько в труднодоступности горных твердынь. Ведь завоеватели, приходившие сюда, нередко имели опыт войны в горах. Главное состояло в том, что население дагестанских горных общин было в массе своей еще свободным. Классовые отношения, хотя и пустили здесь достаточно глубокие корни, не распространились на местные общества целиком и, перелетаясь с многочисленными патриархальными пережитками, создавали своеобразную атмосферу единства данной общины перед лицом внешнего врага. Гораздо сложнее были отношения между отдельными обществами и феодальными объединениями, усугублявшиеся и этнической пестротой. После походов Тимура, а также в результате турецкого влияния в XVI в. в Дагестане упрочился ислам суннитского толка в отличие от шиизма, господствовавшего в Иране и Азербайджане. Эти религиозные противоречия, нагнетавшиеся господствующими кругами внутри Дагестана и соответствующей политикой Ирана и Турции, также накладывали свой отпечаток на отношения горцев с их соседями.

Впрочем, глава карательной экспедиции Хаджи-Манучехр-хан, по-видимому, и не собирался заходить далеко в горы: горные округа были столь тесно связаны с прибрежными и зависели от них, что сколько-нибудь длительная блокада со стороны прибрежной полосы должна была вынудить повстанцев самих искать столкновения с врагом. И действительно, Сурхай-хан шамхал, Казан-алп и другие руководители восстания приняли вызов кызылбашского военачальника и с ополчением из разных дагестанских обществ численностью более 30 тыс. человек начали сражение в предгорных районах севернее Дербента. Повстанцы оказывали упорное сопротивление, и лишь огнестрельное оружие дало перевес шахским войскам: поле сражения осталось за кызылбашами, а восставшие отошли в горы. По словам иранского историка, через четыре дня группа их вождей, укрывшаяся в лесных районах, сдалась Хаджи-Манучехр-хану. Только теперь шахский полководец решился отправить гонца к Аббасу II с известием о победе. Капитуляция части вождей восстания оказала воздействие на дальнейший ход событий. Дагестанская знать и прежде всего шамхал вскоре также отказались от сопротивления, и сын шамхала поехал к шаху с «мечом на шее»³². Но шахская победа была весьма призрачной, и это понимали в Исфагане. Вот почему меч шамхальского сына не сослужил уготованному ему предназначению, а голова его вла-

³¹ Мухаммед Тахир Вахид Казвини. Указ. соч., стр. 288.

³² Там же, стр. 271—277.

дельца осталась на своих плечах. Более того, мятежные вожди восстания получили прощение и подарки шаха. Вызвано это было, по-видимому, и развитием событий в самом Дагестане и кахетинскими делами.

Попытка шаха расчленил Кахети и очередная посылка туда кочевников не только не смирили грузин, но, наоборот, подлили масла в огонь. Даже те тавады, что ранее придерживались иранской ориентации, увидели в этих действиях угрозу своим интересам. Особенно же остро встал вопрос в отношении грузинских горцев, прежде всего тушин. Тушинские общества были всегда теснейшим образом связаны своими экономическими и политическими интересами с собственно кахетинскими землями, и передача долин Кахети кызылбашским кочевникам явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения тушин. Уже после передачи Кахети карабахскому правителю тушины, будучи ревностными сторонниками Теймураза, направили совместно с хевсурами и пшавами письмо русскому царю, а в этом письме было сказано: «Мы также, христиане трех стран — Тушетии, Хевсуретии и Пшавии, поклялись и согласились поддерживать друг друга... Делаемся твоими подданными, бьем тебе челом и обещаем исполнять все твои приказания»³³.

Теперь же, после новых указов шаха, тушинская конница спустилась с гор и обрушилась на кызылбашские становища. К тушинам присоединились и кахетинцы. Около крепости Бахтриони на Алазани пытавшиеся оказать сопротивление кызылбашам были разгромлены, после чего, как и во времена восстания Саакадзе, началось изгнание пришельцев с кахетинской земли. По утверждению грузинских и иранских источников, разгром кочевников сопровождался истреблением значительной части мужчин и изгнанием уцелевших за пределы страны³⁴, но это был акт мести доведенного до отчаяния народа, которого пытались лишить земли, родины и средств к существованию.

Получив известия о событиях в Кахети, Аббас II вынужден был признать, что его попытки покорить эту страну оказались безуспешными. Оставался единственный, но испытанный способ: привлечь на свою сторону грузинских князей и с их помощью ликвидировать последствия кахетинского восстания. Этот способ разобщить силы повстанцев, используя классовые противоречия в их среде, оправдал себя и в данном случае. Шаху, правда, пришлось дать Кахети царя-грузина, и им стал царевич Арчил, сын Вахтанга V; кроме того, шах пошел на уступки грузинской знати и восточногрузинским царям. В частности, было забыто об истреблении кочевников в восстании 1659—1660 гг.; во внутренних делах восточногрузинских царств также допускалась теперь большая самостоятельность.

Между тем Теймураз, убедившись, что в данной обстановке русское правительство не сумеет оказать ему военной помощи, покинул Москву и вернулся в Грузию. Преклонный возраст и перенесенные лишения толкнули старого кахетинского царя отдаться на милость шаха. В 1661 г. Теймураз вновь вернулся в Иран, откуда он некогда уехал молодым. Аббас II внешне хорошо принял скитальца, но затем, после отказа внука Теймураза царевича Ираклия, находившегося в Москве, прибыть в Исфаган, приказал посадить 73-летнего Теймураза в Астрабадскую крепость, где тот и закончил свои дни.

В поисках выхода

Восстановление царской власти в Кахети и возвращение шахов к былой политике утвердили мир в Восточной Грузии, но не изменили процесса, наметившегося в среде грузинских феодалов. По-прежнему в господствующем классе существовали две группировки, одна из которых была связана с Ираном, другая же все больше обращала свои надежды и чаяния к России. Общественная роль и значение второй группировки непрестанно возрастали. Не сразу был найден путь, с которым наиболее дальновидные грузинские политические деятели связывали судьбу своей родины, — путь дружбы со все больше крепнувшей северной державой. Но иначе и не могло быть. Ведь в ту эпоху и в России и в Грузии господствовали классово-антагонистические,

³³ М. Броссе. Указ. соч., стр. 75.

³⁴ «Картлис Цховреба». Т. II, стр. 438; Мухаммед Тахир Вахид Казвини. Указ. соч., стр. 289.

феодалы. Поэтому господствующие круги обеих стран преследовали прежде всего интересы своего класса.

Тем показательнее наметившийся перелом. Отъезд Теймураза из России не изменил все более увеличивавшейся тяги грузин к России. Если прежде грузинские феодалы, поссорившись с шахом или его наместниками, бежали в Западную Грузию либо в пределы Турции, то к концу XVII столетия их пути все чаще направлялись в Москву и другие русские города. Двадцать лет прожил в России царевич Ираклий, получивший в Москве имя Николай. Несмотря на то, что в 1674 г. Ираклий, оставив Россию, уехал в Иран и затем стал царем Картли под именем Назар-Али-хана, грузинская колония в России продолжала расти³⁵. Много лет прожил здесь царь Арчил, сын Вахтанга V, а сын Арчила Александр стал одним из ближайших сподвижников Петра I, ездил с ним в «Великое посольство» за границу в 1698 г. и по приезде оттуда получил чин первого в русской армии генерал-фельдцейхмейстера. Именно московская грузинская колония впоследствии явилась одним из связующих центров, с помощью которого Петр I и его правительство устанавливали и поддерживали связи с Закавказьем. Накануне XVIII в. русская ориентация Грузии определилась достаточно четко, хотя в правящих кругах грузинских царств существовала в то же время тенденция искать помощи и в Западной Европе. Такого рода надежды усиленно подогревались различными католическими миссиями в Закавказье. Папская курия давно обратила внимание на эту область. Еще в XIII—XIV вв. одетые в монашеские рясы агенты Рима свили прочные гнезда на Ближнем Востоке. Созданная при их помощи униатская церковь сумела обратить в новую веру часть населения Нахичеванского края и других районов Закавказья. В Грузии католические миссионеры тоже развили довольно бурную деятельность. С их помощью в Италии в XVII в. было организовано книгопечатание на грузинском языке, вышел первый грузино-итальянский словарь. И когда в конце XVII в. иранское правительство вновь обратилось к политике усиления экономического, социального и религиозного гнета в Закавказье, католические миссионеры и западноевропейские дипломаты убедили царя Картли Вахтанга VI искать помощи в Западной Европе. Туда было отправлено посольство во главе с ученым Сулхан-Саба Орбелиани. Оно посетило Францию, но вернулось ни с чем. Это навело Вахтанга VI на новые размышления, и когда он начал борьбу с османами, то тоже возложил свои надежды на Россию.

Русская ориентация начала преобладать не только в Грузии. Аналогичная ситуация складывалась и среди армянского населения Закавказья, Ирана и Турции. Армянское купечество, державшее в своих руках значительную часть внешней торговли этих стран, рано заинтересовалось транзитным путем через русские земли на Запад. Немалую выгоду представляла и торговля с самой Россией. Пути эти были давно известны, так как еще в средние века армянские торговцы не только пользовались ими, но и создавали свои колонии в городах Поволжья, на Северном Кавказе и в других местах. После присоединения к России Казани и Астрахани торговые интересы армянского купечества еще больше оказались связанными с Россией. В XVII в. купцы Новой Джульфы, испытывая трудности в транзите через турецкие владения, усиленно добивались разрешения русского правительства провозить товары на Запад через российские владения. Одновременно крепили торговые связи и с самой Россией. Новоджульфинские купцы с разрешения шаха заключили в России два торговых договора: в 1667 и в 1673 годах. Условия этих договоров должны были обеспечить армянским купцам безопасный провоз товаров, в первую очередь шелка, по Волге в русские торговые центры. Уже в XVII в., в условиях непрекращавшегося гнета шахских властей, многие армяне — ремесленники, торговцы, люди искусства — приезжали в Россию и оставались жить в русских городах. Через посредство новоджульфинских купцов в Москву прибыл в 60-х годах живописец Богдан Салтанов, поступивший на царскую службу и в дальнейшем работавший над росписью дворца в селе Коломенском. Армянский живописец имел там русских учеников, которым передал многовековой опыт, накопленный восточными художниками. Поэтому не случайно и в Армении общественность также стала обращать все большее внимание на Россию. Католики

³⁵ О грузинах в России XVII в. см. В. Татишвили. Грузины в Москве. Тбилиси. 1959.

(глава армянской церкви) Акоп Джугайеци в 1673 г. направил в Москву письмо царю Алексею Михайловичу, в котором просил о заступничестве перед шахом за армянское население³⁶.

Существенные изменения произошли в конце XVII века. Сефевидское государство внешне все еще казалось могущественным и процветающим. Иностранцев поражали многолюдные города, блеск и богатство шахского и ханских дворцов, роскошные выезды посольств. Однако за всем этим декорумом проглядывали признаки грядущего кризиса. Непрерывный рост налогов никак не мог удовлетворить неуемный аппетит двора и местных правителей. Один из иностранцев метко заметил, что в Иране о губернаторе той или иной провинции говорят, что он ею не управляет, а что он ее объедает. Особенно пострадал шахский домен, население земель которого, будучи основным поставщиком материальных прибылей шаха, в то же время подвергалось сильнейшей эксплуатации. В последние годы XVII в. шахское правительство, все больше нуждаясь в средствах, решило предпринять экстренные меры для пополнения казны. По указу шаха Султан-Хусейна в 1698—1699 гг. были резко увеличены налоги. Для сбора их в разные районы империи, в том числе и в Закавказье, были направлены специальные отряды, действия которых превзошли все, что испытывали народы этих земель в прежние годы. К тому же при дворе Султан-Хусейна возобладала клика крайних шиитских фанатиков, которые видели в утверждении шиизма основное предназначение своей жизни. Не случайно поэтому наибольшие притеснения выпали на долю окраинных областей Кызылбашского государства, где было много христиан, а также мусульман-суннитов. Репрессии обрушились на армянскую церковь и армянских меликов Карабаха, Кафана и некоторых других мест. И если раньше эти слои армянского общества хотя и скорбели на словах о бедствиях армянского народа, но на деле не оказывали врагу сколько-нибудь решительного противодействия, то теперь они всерьез задумались над тем, как избавиться от бесконечных репрессий со стороны Исфагана. В апреле 1699 г. армянские мелики втайне от иранских властей собрались в селении Ангегакот. На собрании присутствовали представители церкви, а также ставший вскоре широко известным Израел Ори. Выступавшие единодушно жаловались на действия иранских властей, после чего был поставлен вопрос о вооруженном выступлении. Участники собрания рассчитывали не только на силы армян, но и на выступление населения восточногрузинских царств. Однако присутствующие понимали, что даже этими объединенными силами сбросить иранско-турецкое иго едва ли удастся. Многие феодалы боялись к тому же вооружить народ, а некоторые питали надежду, что, может быть, с шахскими властями удастся как-нибудь договориться, убедив ретивых чиновников и правителей в губительности проводимых ими мероприятий. Было решено послать делегации в разные страны Европы, чтобы изыскать там помощь задыхавшемуся от иноземного гнета Закавказью. Среди писем, отправленных европейским государям, было послание и царю Петру I, на которого участники собрания возлагали особые надежды. Вскоре Израел Ори и его спутники покинули Армению, отправившись за помощью в Европу.

Это произошло в канун нового, XVIII века. Столетия страданий и борьбы все явственнее убеждали народы Закавказья в том, что надежды избавиться от одного из угнетателей — султана или шаха — с помощью другого совершенно беспочвенны и влекут за собой новые бедствия. Своими же силами страны Закавказья сбросить чужеземный гнет не могли. Знакомство с западноевропейскими правительствами тоже постепенно убеждало, что реальной помощи оттуда ждать не приходилось. Этому мешали и отдаленность западноевропейских стран, и особые их интересы в Турции и Иране, и религиозные различия, и многие иные причины. Все очевиднее становилось, что самым вероятным и наиболее желанным союзником стран Закавказья может стать только Русское государство.

³⁶ «Армяно-русские отношения в XVII в.». Сборник документов. Ереван. 1953, стр. 98, 257—258.